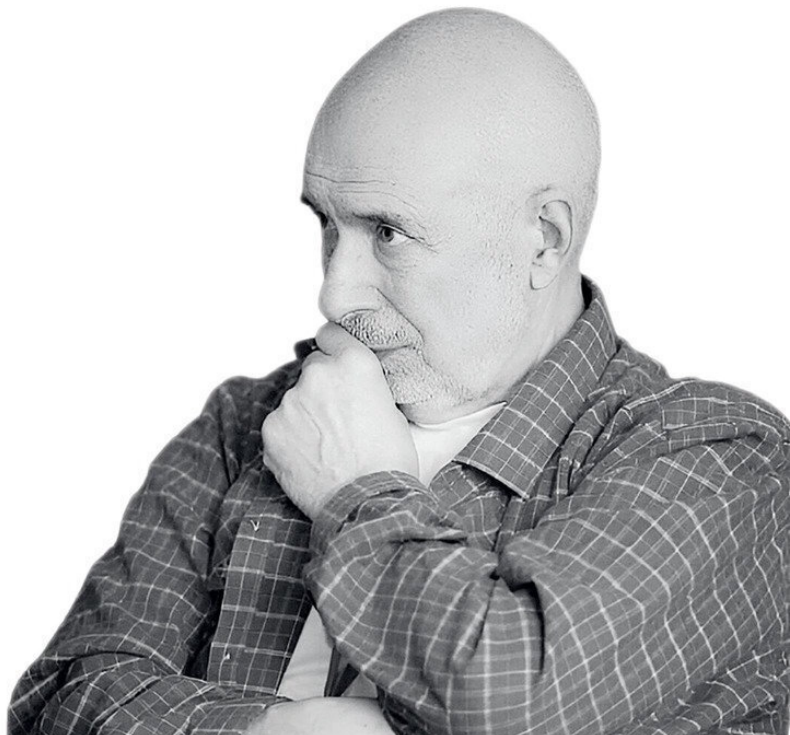

18+

Дмитрий Бергельсон

ВАНДАЛКОВСКИЙ. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЖИЗНИ

Антология сцен и событий

**Дмитрий Бергельсон
Вандалковский.
Представление жизни.
Антология сцен и событий**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72693031
ISBN 9785006836556*

Аннотация

Для тех, кто хорошо знал Евгения Вандалковского, это возможность пообщаться с ним вновь. А у тех, кто не был с ним знаком, есть шанс познакомиться с выдающимся режиссёром массовых праздников и театрализованных представлений, гениальным педагогом, и прекрасным человеком.

Содержание

Рождение	5
Витебск – Москва	6
Созревание	8
Репетиция	10
Слава	13
Брат	15
Арбузный король	18
Не Ромео	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Вандалковский.
Представление жизни
Антология сцен и событий

Дмитрий Бергельсон

При оформлении книги использовано фото из архива Вандалковского.

Корректор Алексей Леснянский

© Дмитрий Бергельсон, 2025

ISBN 978-5-0068-3655-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рождение

Вандалковский родился в 534-м году до нашей эры, во времена Великих Дионисий, хотя в свидетельстве о рождении записали 1946-й год. Даты вообще часто путают. Но спорить никто не стал.

В роддоме, в одной палате с матерью Вандалковского, лежала жена племянника Мейерхольда или Михоэlsa, сейчас никто точно не помнит. Помнят, как этот племянник, вбежав в палату, схватил маленького Женю на руки, думая, что это его сын, и как Женя, посмотрев в глаза чужого дяди, категорически отвернулся от него. Можно даже сказать – театрально отвернулся. В семье врачей рождаются врачи. И сын будущего врача-акушера Владислава Вандалковского тоже стал врачом. Но не старший, а младший – Дима. Женя почему-то стал режиссером.

Впрочем, это неудивительно. Все, кто знал его с детства, свидетельствовали: Женя Вандалковский из всего делал представление. Представление стало смыслом его жизни. И саму жизнь он видел как одно большое представление.

Вопрос: нам принципиально, что год рождения 1946-й, а не 534-й, тем более до нашей эры? Нет, непринципиально. Раз уж так записали, пусть так и будет. Главное, что он родился и мы это зафиксировали.

Витебск – Москва

Также нами принят факт, что местом рождения Вандалковского был город Витебск, а никак не Афины. И в этом нет ничего необычного. В Витебске и его окрестностях гении рождаются не реже, чем в Афинах или Аттике. Конечно, потом они уезжают куда-нибудь в Москву, часто мотивируя отъезд потребностью развития своего таланта. Это обычно случается в зрелом возрасте. Но Вандалковский решил зреть уже в Москве и уехал в столицу в первый же год своей жизни. Мать поехала с ним, не в силах противостоять ветрам судьбы. Тем более отец маленького Жени находился именно в Москве, а не в Афинах, ведь он вернулся с фронта домой, в Москву, и, кстати, понятия не имел, что совсем скоро станет отцом. Дело в том, что после Победы он ненадолго задержался в госпитале, залечил раны, познакомился с медсестрой, которая как раз была родом из Витебска, и уже потом вернулся в Москву.

Видимо, способность удивлять у Жени была врожденной. Сначала своим рождением он удивил ту самую медсестру, и она стала матерью. Затем он удивил молодого фронтовика, мечтающего стать врачом, и тот сначала стал отцом, а потом уже поступил в медицинский.

Так Женя, не успев родиться, переехал в Москву, создал семью и полностью перевернул представление жизни своих

родителей.

Созревание

Период созревания Вандалковского был стремителен и ярк. В год он начал говорить. Причем первым словом было слово «ода». Все считали, что так он говорит «да», но нет, он говорил «ода». В три года, когда отец вел Женю за руку по Гоголевскому бульвару, тот вдруг прочитал на афишной тумбе слово «опера». Никто читать его еще не учил, поэтому такое событие не осталось незамеченным для родителей. Лет с четырех гулять во двор с мамой Женя выходил, обмотавшись белой простыней. Отец потом спрашивал у жены: «Он что, играл в больницу?» – «Нет, он что-то пел, а остальные ребятишки слушали», – отвечала та. К пяти годам родители Жени уже не удивлялись, когда все дворовые дети под его руководством устраивали для взрослых какие-то представления. После представлений Женя приводил друзей домой, чтобы накормить. Когда папа поинтересовался, как кого зовут, то был слегка ошарашен, услышав имена Жениных приятелей. Это были Гомер, Эсхил и Архилох.

Дальше – больше. Школьными друзьями Жени были Моцарт, Шекспир и Пушкин. Как-то, вернувшись из школы, юный Вандалковский сообщил родителям, что Сашка назвал в честь него свою новую поэму.

– Какой Сашка? – спросил отец.

– Конечно, Пушкин! – ответил Женя, бросил портфель,

схватил бутерброд и убежал «на репетицию».

Репетиция

А репетировал он тогда ни много ни мало пьесу Чехова, которую сам автор считал этюдом в одном действии. Называлась пьеса «На большой дороге». Женя был режиссером и исполнителем одной из главных ролей, некоего Мерики – не то разбойника, не то просто лихого человека, который в финале пьесы пытался убить героиню, по сюжету вполне этого заслуживающую. Роль героини, барыни Марьи Егоровны, исполняла, конечно же, самая красивая девочка из параллельного класса.

Орудием для покушения на убийство по пьесе был топор. Женя смастерил его сам из ножки стула и куска плотного картона. Репетиции проходили в актовом зале, где была небольшая сцена и напротив рядами стояли стулья для зрителей. Ребята, присутствующие на репетициях, в один голос кричали, что топор выглядит как настоящий и что им было страшно. Но Женя был недоволен. Ему казалось, что это все вранье. Топор легкий, неопасный, героиня не пугается, а, наоборот, в ее глазах мелькает что-то вроде улыбки.

– Нет, так дело не пойдет, – сказал Женя.

– Так дело не пойдет, – сказал школьный сторож Михалыч, когда собрался нарубить дров для буржуйки и не смог найти топор. Конечно, Михалыч согрелся не только при помощи дров, но ему все-таки стало некомфортно.

А у Жени все было хорошо. Репетиция приводила в невысказанный восторг всех окружающих. Мерик замахивался настоящим топором. В глазах Марьи Егоровны мелькал неподдельный ужас. Ее кучер и Тихон, хозяин кабака, буквально сносили барыню с ног, спасая от смерти, а топор гулко врезался в дверь, за которую и пыталась выйти героиня, чтобы покинуть этот приют негодяев.

На самом деле дверь вела в коридор за сценой, а оттуда в холл первого этажа, где совсем недалеко находился кабинет директора школы.

Сейчас это может показаться смешным, но тогда было точно не до смеха. В тот момент репетиции, когда Женя, точнее, его персонаж Мерик уже замахнулся, барыня ужаснулась, а кучер и Тихон, падая, выводили ее из-под удара, вдруг открылась дверь, навстречу которой летел топор, и в дверном проеме появился директор школы. Он услышал из своего кабинета странные стуки и решил пойти посмотреть, что же там происходит. Как Женя сумел скорректировать удар и попасть не в центр двери, а в косяк – никто не знает. Но испуг в глазах директора Женя запомнил на всю жизнь. Это была такая правда, что Станиславский бы рыдал с криком: «Верю!»

Потом, конечно, в кабинете директора был очень серьезный разговор, где присутствовал и Женя, и отец его – Владислав Сигизмундович, уже известный к тому времени акушер, буквально недавно принимавший роды у дочери директора

школы. И мы понимаем, что все разрешилось относительно благополучно.

Слава

– Спектакля не будет! – сообщил всем Пушкин, друг Жени, основываясь на обрывках разговора из кабинета директора, подслушанных в коридоре за сценой. Тяжелая грусть навалилась на всех участников постановки. Марья Егоровна плакала красивыми глазами девочки из параллельного класса. Остальные молчали. Вошел Женя. Сел на стул. Глядя в пол, сказал:

– Доигрались.

И сделал паузу. Все замерли. Девочка из параллельного класса перестала всхлипывать, но слезы из ее красивых глаз потекли еще сильнее. Пауза продолжалась несколько секунд. Женя был похож на сжатую пружину, кулаки его уперлись в стул, на котором он сидел. Эти несколько секунд показались всем вечностью. Так оно и было.

Потом, когда Женя сообщил, что премьера их спектакля назначена через неделю, и уже стих радостный взрыв в актовом зале и все успокоились, ему пришлось пояснить, что это была «мхатовская пауза» – так в русском театре называли один из мощных театральных приемов.

День премьеры Женя запомнил на всю жизнь. Конечно, использовать настоящий топор в спектакле запретили, но даже с топором бутафорским все выглядело настолько правдоподобно, что кому-то потребовалась помощь школьной мед-

сестры. В зале пахло валерьянкой и нашатырным спиртом. И каким-то другим спиртом от сторожа Михалыча, зашедшего взглянуть на «спектаклю».

В тот день Женя Вандалковский впервые почувствовал, что такое слава.

Теперь его знала не только вся школа, но и весь район. В школу он уже не шел, а плыл, как пароход «Челюскин». Взгляды, шепот, крики: «Раскольников идет!»

Слава обрушилась на него, юного режиссера, со всей мощью, какую выдержит не каждый взрослый.

И он не выдержал.

Брат

Звездная болезнь поразила молодого режиссера наотмашь, не давая опомниться. Но от этой болезни часто страдает не столько заболевший, сколько окружающие его люди.

Первым, кто принял удар на себя, был Дима, младший брат Жени. Он уже знал, что его старший брат – известный артист, но пока не понимал, до какой степени.

Обычно, когда Женя возвращался из школы, Дима во что-нибудь играл, так было и в этот день. Диме было уже четыре года, и он, найдя ненужный обрезок электропровода, представлял, что это «слушалка» (так он называл стетоскоп), а он врач. Пришедший из школы Женя мгновенно отреагировал на игру брата:

– А ты знаешь, что если один конец провода прислонить к своему пупку, то по проводу из тела пойдет электричество?

Дима об этом, конечно, не знал.

– Куда оно пойдет?

– Куда прислонишь другой конец провода – туда и пойдет. Коснешься другого человека – и его ударит током.

– Сильно ударит?

– Зависит от того, как ты поел перед этим. Если хорошо поел, может прилично шарахнуть.

Пока Дима обдумывал новое открытие своей жизни, Женя сел за стол делать уроки. Он, казалось бы, совершенно

забыл про младшего брата и даже закрыл пол-лица ладонью, облокотившись на руку и уставившись в учебник физики. Лишь иногда, поглядывая в сторону брата сквозь пальцы руки, он произносил что-то вроде:

– Никогда не делай ничего с проводом, это очень опасно.

Женя ждал, когда же Дима наконец осмелится и попробует проверить научную гипотезу старшего брата. И он ждал не напрасно. Дима подкрался со стороны поддерживающей голову руки Жени и прислонил к этой руке конец провода.

До этого момента Дима никогда не видел, как человека бьет током. Но когда старшего брата затрясло, а изо рта у него пошла пена, маленький Дима впал в ступор, а когда Женя упал на пол, у Димы началась настоящая истерика.

На его крик прибежали родители, откачали Женю, пытались успокоить Диму, демонстрируя ему абсолютно живого и здорового старшего брата. Потом мама долго сидела в комнате с Димой на руках, а отец разговаривал на кухне с Женей:

– Врач, заурядный врач, помогает людям, когда им больно, когда им плохо. Талантливый врач – спасает. Но главное для врача – не навредить. Хорошо, ты не хочешь быть врачом, ты хочешь быть артистом, заниматься искусством. Здесь то же самое. Талант не должен вредить людям. Пусть ты гениально изображал поражение человека электричеством, но ты очень испугал Диму. Ты нанес ему психологическую травму. Таких людей, как ты, к искусству близко нельзя подпускать! Ты же помнишь, как твой друг Пушкин ска-

зал: «Искусство и злодейство – две вещи несовместные...»
Быть художником в широком смысле этого слова – большая ответственность, намного большая, чем у врача.

Отец вдруг замолчал, он увидел, что Женя плачет. Плакал он не оттого, что теперь ему закрыт путь в искусство и он никогда больше не выйдет на сцену, нет, не от этого. Он плакал оттого, что ему стало очень жалко маленького Диму, искренне любящего своего старшего брата и получившего от него настоящий удар в сердце. Он не мог простить себе этого. Но вместе со слезами Женю покидало то ощущение славы и величия, что ненадолго поселилось в нем после феерической премьеры его первого спектакля.

Арбузный король

Потом были другие спектакли: большие и маленькие, серьезные и смешные. Каждый из них становился новым открытием для молодого режиссера. Открытием каких-то профессиональных приемов, открытием себя. Очередная значимая премьера наглядно продемонстрировала Жене и остальным, что такое «режиссерская метафора».

Это было во время службы в Советской армии, в воинской части в окрестностях города Мелитополя. Женя прослужил уже почти два года из трех и к тому времени в части занимал должность начальника клуба. Должность была офицерская, но для Вандалковского сделали исключение.

Летом в клубе никаких мероприятий, кроме просмотров фильмов, не проводилось, и Женя на какое-то время стал завскладом.

Дело в том, что солдаты части оказывали огромную помощь соседним колхозам в сборе урожая бахчевых, за что были премированы добрыми сельчанами. И как-то бойцам привезли в часть целый грузовик арбузов. Идея сдать арбузы в столовую части показалась утопией, и ребята обратились к Жене с просьбой разместить урожай на чердаке клуба. Что и было сделано. Чердак хорошо проветривался, и арбузы там прекрасно себя чувствовали. Круг посвященных был довольно узким, и, хотя почти каждый день кто-то из солдат

приходил в клуб за арбузом, к зиме объем бахчевых на чердаке не слишком-то уменьшился. Женя закрыл и немного утеплил чердачные окна, и арбузы продолжали радовать сослуживцев. Лишь иногда стали попадаться чуть забродившие экземпляры, что, впрочем, тоже радовало солдат. Эти арбузы стали называть веселыми.

А в конце ноября в часть привезли новый фильм, который только что вышел в прокат, фильм назывался «Три толстяка» и имел оглушительный успех у личного состава части. Обычно понравившиеся фильмы Женя крутил для солдат каждый день, но здесь был особый случай. Копия фильма была одна на весь округ. То есть сразу после просмотра пленку забрали и увезли в другую часть, потом в третью и т. д. А народ требовал продолжения просмотра. Тогда командованием части было принято решение – к Новому году поставить на клубной сцене спектакль «Три толстяка». Режиссером спектакля был назначен начальник клуба Вандалковский с неограниченными полномочиями – привлекать к спектаклю рядовой и офицерский состав.

Начались репетиции. Роль Тибула исполнял сам Женя. Толстяков играли три толстых старшины, как будто всю жизнь готовивших себя к этим ролям. Роль куклы и гимнастки Суок исполняла начальник медчасти, довольно хрупкая молодая женщина в звании лейтенанта. Остальные роли исполняли рядовые, но проверенные бойцы.

Финальная сцена спектакля была, конечно, самой важной.

Вандалковский придумал ее по-другому, не так, как было в кино. Когда палач посреди городской площади уже заносил топор над головами доктора Арнери и гимнастки Суок, а толстяки радостно похлопывали себя по животам, в прыжке с дворцового балкона, держась за канат, прикрепленный к потолку над сценой, над эшафотом проносился Тибул и хватывал топор у палача. Тут же вспыхивало народное восстание, граждане набрасывались на толстяков и так далее. Все завершалось победой народа и танцами. Многочисленные репетиции приводили в восторг всех участников. Рядовые с радостью гоняли по сцене старшин, вожделенно прикрывали гимнастку своими телами, как минимум чувствовали себя участниками революции. Только Вандалковский не был доволен.

– Не хватает метафоры, – говорил он.

– Женя, перестань! Всего здесь хватает, – отвечал ему его армейский друг Брехт.

– Пойми, старик, должен быть какой-то символ сути происходящего на сцене, сравнение, похожий образ. Мы должны найти эту метафору.

Сценарий к спектаклю они писали вместе: Женя и Брехт. Но на последних репетициях окончательно рассорились из-за треклятой метафоры. Вандалковский кричал:

– Мне такой драматург не нужен!

Брехт ушел, хлопнув дверью клуба, выпил бутылку водки и был пойман патрулем за территорией части. Гауптвахта

была не самым суровым наказанием, но спектакль состоялся без Брехта.

На премьере 30 декабря первые ряды занимал весь командный состав части, многие были с женами. Конечно, оставшаяся часть зрительного зала была переполнена личным составом. Зрители в армейских клубах всегда эмоциональны, но здесь творилось что-то неопишное. Борьба со старшинами-толстяками захватила солдат, и они стали частью восставшего народа из спектакля.

Настоящий катарсис случился, когда Тибул прыгнул с балкона на палача и старая балка над сценой не выдержала и сломалась, а так как балка держала края чердачных половниц, то они, соответственно, утратили опору и под тяжестью бахчевых разверзлись. Женя успел отскочить к заднику сцены, прихватив с собой гимнастку и доктора, а на толстяков, палача и прочих представителей власти обрушилась огромная масса арбузов летнего урожая. Многие из них были уже забродившими, и они взрывались на сцене и заливали все красным соком. Толстяки спасались как могли, а арбузы, заполнившие сцену, катились дальше в зрительный зал и, падая со сцены, окрашивали в красный цвет первые ряды с офицерским составом. Солдаты выли от счастья.

– Это была метафора, – пояснял Вандалковский на следующий день командиру части вчерашнее происшествие.

– Что еще за метафора? Кто разрешил?

– Метафора – это обобщающая условность. Какой-либо

образ, используемый в переносном смысле. Здесь народное восстание было показано при помощи арбузов. Арбузы лопнули, как терпение граждан, а красный сок, заливший толстяков, показал суть кровавого режима.

– А зрители пострадавшие какое отношение имеют к режиму?

– Никакого. В следующий раз сделаем ограждение вокруг сцены.

– Не надо. Одного спектакля достаточно. Не надо больше про кровавый режим. Кстати, где вы взяли зимой столько арбузов?

– Это мне брат из Москвы прислал.

– Он что у тебя, директор рынка?

– Да.

– Хорошо, рядовой Вандалковский, идите празднуйте Новый год. Но чтоб никаких ЧП больше.

Вандалковский вышел счастливым. Он познал всю мощь режиссерской метафоры, пусть случайной, но от этого не менее сильной. Он шел к гарнизонной гауптвахте, чтобы просить прощения у Брехта и рассказать про найденную метафору.

Не Ромео

Надо заметить, что в раннем творчестве Вандалковского топор фигурировал довольно часто, хотя сам он говорил, что это чистое совпадение.

Кроме уже упомянутых случаев топор звучал в студенческом спектакле «Вишневый сад». Топор также присутствовал в постановке по пьесе Шварца «Красная Шапочка».

И только благодаря Шекспиру и выпускному спектаклю «Ромео и Джульетта» Вандалковский освоил шпагу.

Конечно, вместе с Женей шпагу осваивал и младший брат Дима, которому в его семнадцать лет уже давно пора было научиться фехтованию. И хотя Женя к тому времени уже состоял в браке с однокурсницей Раей и буквально недавно стал отцом прекрасной дочери Сашеньки, он всегда находил время для брата.

– Старик, ты до сих пор не научился фехтовать? Ты знаешь, что Ромео было всего двенадцать? И он за время пьесы убил как минимум двоих. А чего достиг ты в свои семнадцать?

– Я никого не убил.

– Я не говорю, что ты должен убивать. Но уметь постоять за себя ты просто обязан.

– Мне что, носить шпагу с собой?

– Необязательно. Ты можешь использовать трость или

зонт с тем же успехом. Так что скажи брату спасибо. Защищайся!

Они фехтовали лыжными палками в комнате и, конечно, пугали маму потенциально возможным уроном. Но Же не во что бы то ни стало нужно было отработать искусство боя на шпагах. Это был редкий случай в его жизни, когда постановщиком спектакля был не он, а мастер курса. И пока на этапе этюдов на роль Ромео пробовали совершенно не тех, включая Ясона.

Рая успокаивала Вандалковского:

– Не всем же быть Ромео. В роли Лоренцо ты прекрасен. Я вот совершенно не переживаю, что не играю Джульетту. Если мастер считает Наташу красавицей, значит, так и есть. Конечно, такой Джульетте и Ромео нужен в виде страшилы...

– Ясон не может играть Ромео! Это абсурд! Он предатель и лжец!

– Женя, я прошу тебя, успокойся. Пусть Ромео играет кто угодно. Хоть Ясон, в конце концов.

– Только через мой труп! Или через труп Ясона, – отвечал Вандалковский.

Ясон поступил на курс, приехав в Москву из Прибалтики. Как он сам рассказывал, его отец Соломон носил фамилию Янсон, а потом букву Н потеряли при выдаче очередных документов, и сын Соломона с рождения получил фамилию Ясон, созвучную с именем персонажа из древнегреческой мифологии.

– Вы что ползаете как улитки?! – кричал мастер курса. Он был вне себя от ярости. – Посмотрите на Лоренцо, он вас сейчас всех перебьет! И правильно сделает! Если служитель церкви взялся за оружие, у меня нет слов.

Дело в том, что никак не получалась сцена боя между Ромео и Парисом и Вандалковский решил помочь, но увлекся. И вот уже за кулисами плакал Ясон. Он сидел на полу, поджав под себя тонкие ножки, и прижимал рукой место ранения на непропорционально округлом животике. В жизни он совсем не был похож на Ромео, но на сцене волшебная сила искусства делала с ним что-то невероятное. Походка становилась твердой, живот исчезал, а глаза начинали светиться.

– Прикосновение к искусству – это не радость! Это горе для художника! Вы даже не понимаете, во что вы ввязались, – негодовал мастер курса, замечательный педагог и человек с простой фамилией Васильев. – Вы что думаете, вас будут на руках носить за ваши таланты? Да вас будут проклипать, в том числе родные и близкие! Ясон! У тебя что случилось? Лоренцо напал? А где твоя шпага? Этого нет в пьесе? Ну так бросай все к чертовой матери и уходи! Я снимаю тебя с роли Ромео! Герой не может выглядеть жалким ни в глазах зрителя, ни в глазах режиссера. Антип, иди сюда! Будешь играть Ромео.

Антип пожал плечами и сказал:

– Если нужно, буду играть кого угодно: хоть Ромео, хоть Джульетту.

Антипа звали Володей. Имя – Володя. А фамилия – Антип. И против назначения Володи Антипа на роль Ромео не возражал никто, тем более Женя, ведь они были друзьями. Антип с какого-то момента стал подрабатывать в школе в должности дворника. Кроме денег эта должность давала жилье в виде практически отдельной квартиры на первом этаже охраняемого здания, а с ним и место сбора для друзей-сокурсников. После койки в общежитии такая квартира-сторожка казалась чем-то невероятным. Антип привел туда жену, потом друзей, а вскоре весь курс. Это было замечательное место, где рождались идеи, проходили репетиции и отмечались любые события в жизни причастных к этой огромной творческой семье.

Спектакль «Ромео и Джульетта» получился. После премьеры в «школьной сторожке» состоялся банкет. Были все, даже Ясон, он выпил вина, покраснелся и кричал:

– Да у нас тут пьяный вертеп!

Ребята, ставшие выпускниками, смеялись, спорили, мечтали о своем театре, основой которого мог стать их курс. Начать хотели с показов дипломного спектакля на сцене школы, Антип обещал договориться об этом со школьным директором.

Но планам не суждено было сбыться. На следующий день Антипа вызвали к руководству школы и попросили покинуть должность и жилье. Куда-то поступила анонимная жалоба на «пьяный вертеп» в стенах учебного заведения, и директор

был обязан принять меры по устранению нарушений.

– Хорошо, – сказал Женя на последнем сборе курса в институте. – Тогда поедем в Бобруйск, там есть у них один свободный театр, где труппа разбежалась. Мой родственник предложил оживить этот храм искусства, он там в горкоме работает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.